

Сюй Гун с недовольством взглянул на него:

— Кто тебе разрешил здесь сидеть? Старый хрыч, отойди подальше...

— Ур-р-р... — Не закончив фразы, он прервался, так как его живот заурчал.

Он смущённо повернулся к остальным:

— У кого-нибудь есть еда? Дайте мне что-нибудь, я не завтракал!

Никто не отреагировал.

— Вот. — Внезапно он услышал тихий, сдержанный голос.

Он повернулся и увидел, что Янь Вэйхан спокойно смотрит на него, протягивая руку с круглой конфетой.

— Моя дочь дала мне это перед выходом. Подержишься пока.

Сюй Гун с подозрением посмотрел на него, затем на конфету, и в конце концов взял её и бросил в рот.

Он отвернулся от Янь Вэйхана, жуя конфету и бормоча:

— Какая гадость, отвратительно...

Чэнь Шучжи выбрал место в последнем ряду и вскоре дождался директора Академии Ханьлинь Чэн Вэя, который отвечал за все дела кандидатов. Чэн Вэй выглядел уже пожилым, но был бодр и энергичен.

Он подошёл, поправил рукава, поздоровался и достал книги и записи.

В Академии Ханьлинь не было установленной программы для кандидатов. Обычно они подробно изучали Четверокнижие и Пятикнижие. Но в этом году, после экзамена, заместитель министра ритуалов Бай Цунлай специально пришёл к Чэн Вэю, чтобы изменить содержание занятий.

Бай Цунлай выступал за реформу ритуалов и предложил Чэн Вэю не углубляться в значения слов, а сосредоточиться на практическом применении.

Хотя Министерство ритуалов и Академия Ханьлинь не были связаны, и должность Чэн Вэя была на ранг выше, он всё же последовал совету Бай Цунлая.

Во-первых, потому что Бай Цунлай давно противостоял Гао Кайяню, и, видя, что император изгнал Гао Кайяня, он решил, что ветер дует в сторону Бай Цунлая.

Во-вторых, он считал, что Бай Цунлай прав. Через три года кандидаты будут распределены по различным должностям, и лишь немногие останутся в Академии заниматься наукой. Поэтому лучше учить их чему-то полезному.

Итак, в этом году Чэн Вэй решил начать с «Мэн-цзы». «Мэн-цзы» рассказывает о применении конфуцианства в управлении государством, что как раз подходит для новичков, готовящихся вступить в чиновничество.

Чэн Вэй ещё объяснял происхождение «Мэн-цзы», когда Чэнь Шучжи почувствовал, что рядом с ним кто-то появился. Он повернул голову и увидел знакомое лицо, но его появление здесь удивило его.

Лян Хуань с улыбкой смотрел на него.

Хотя в комнате только он один заметил приход Лян Хуаня, он всё же хотел встать и поклониться. Но, не успев подняться со стула, он был остановлен.

Лян Хуань посмотрел на него с упрёком и шёпотом сказал:

— Я просто пришёл посмотреть на тебя, не привлекай внимания.

Чэнь Шучжи покорно сел обратно, опустив голову, и продолжил слушать. Он вдруг вспомнил, что сегодня не было утреннего совета, поэтому Лян Хуань смог прийти сюда утром.

Но даже если совета не было, у него, наверное, было много других дел? С ним же всё в порядке, зачем он пришёл?

Чэн Вэй, видимо, не заметил, что в комнате появился новый «ученик», и продолжал увлечённо рассказывать о «Мэн-цзы».

— Этот отрывок из «Мэн-цзы, встречающего Лян Хуэй-вана» рассказывает о споре между справедливостью и выгодой. Вы, конечно, уже знакомы с этим. Кто-нибудь может сказать, где в наше время следует править справедливостью, а где — выгодой?

После его слов студенты замерли. Это был первый раз, когда преподаватель просил их комментировать современную политику. Да ещё и в Академии Ханьлинь, где никто не рисковал говорить первым.

Чэн Вэй, не видя другого выхода, обратился к Сюй Гуноу, сидевшему в первом ряду:

— Лучший цзиньши, скажите вы.

Сюй Гун, внезапно вызванный, испугался, почесал затылок и, долго думая, неуверенно произнёс:

— Мудрецы говорили отвергать выгоду ради справедливости, значит, следует править справедливостью...

Атмосфера стала напряжённой. На такой неудачный ответ Сюй Гуна Чэн Вэй не знал, как возразить.

После паузы первым встал Янь Вэйхан, сидевший рядом с Сюй Гуном. Он усадил его обратно и спокойным, хотя и немного монотонным голосом сказал:

— Ритуалы и музыка должны управляться справедливостью, торговля — выгодой. Для разных дел нужно применять разные методы.

— Хорошо, садитесь. — Чэн Вэй кивнул. Это был хотя бы нормальный ответ. Да и Янь Вэйхан был почти его ровесником, поэтому стоило проявить уважение.

В это время сидевший сзади Цзя Сюань не смог сдержаться. Он был вторым на экзамене, обладал внушительным телосложением, и его глаза всегда казались тусклыми, что никак не

выдавало его таланта. Уже имея своё мнение, он, увидев, что двое уже высказались, сразу поднял руку и встал.

— Ученик считает, что в управлении чиновниками особенно важно различать справедливость и выгоду. Раньше управляли справедливостью, но они часто поступали несправедливо, облагая народ непомерными налогами. Теперь управляют выгодой, обирая народ ради обогащения чиновников...

Чэнь Шучжи, сидевший в последнем ряду, услышав это, почувствовал тревогу и потянул Цзя Сюаня за рукав, тихо сказав:

— Хватит.

Цзя Сюань, почувствовав, что его дёргают, оглянулся на Чэнь Шучжи, но не услышал его слов и продолжил:

— Хотя в зале все читали труды мудрецов, они всё равно стремятся только к выгоде. Поэтому только выгода может их удержать...

Чэнь Шучжи снова сказал, но на этот раз его голос был громче:

— Хватит.

Вся комната затихла, все взгляды устремились на него.

Ему стало неловко, и он повернулся к человеку рядом. Увидев это, все последовали его взгляду и заметили Лян Хуаня.

Лицо Лян Хуаня было мрачным. Он встал, и все в комнате опустились на колени, кланяясь ему. Он не сразу разрешил им встать, а медленно подошёл к Цзя Сюаню и, смотря сверху вниз, спросил:

— Откуда ты взял эти слова?

Цзя Сюань не знал о связи Лян Хуаня с Оуян Цином, не знал о партиях в зале и даже не знал, кто выдвинул эти идеи. Он, стоя на коленях, честно ответил:

— После экзамена мой земляк, работающий в Министерстве финансов, позвал меня и рассказал о текущей политике, сказав, что обирание народа ради обогащения чиновников — это тенденция...

Услышав это, Лян Хуань поднял бровь и строго сказал:

— Другие сказали — ты поверил? Ты сам думал, что увеличение жалованья может остановить жадность?

Теперь Цзя Сюань начал бояться, дрожа и покрываясь потом. Лян Хуань был прав — он не понимал интриг в зале, просто поверил словам других.

Он с трудом выдавил:

— Я глуп, не подумал об этом.

Лян Хуань не собирався его наказывать, лишь разрешил всем встать и сказал Цзя Сюаню:

— После занятий я поговорю с тобой.

После урока Цзя Сюань вышел вместе с остальными, но, едва покинув комнату, был остановлен Лу Инем. Лу Инь повёл его по коридорам Академии, пока они не остановились у неприметного здания.

На здании висела облупившаяся табличка с надписью «Зал Суинь». Здание было небольшим, всего три комнаты, и стены давно не красили, местами они потрескались.

Войдя, Цзя Сюань увидел Лян Хуаня, сидящего в главном зале. Он опустился на колени перед ним и услышал вопрос:

— Придумал?

— Придумал... немного.

Цзя Сюань, хоть и был импульсивным, не был глупым. Не сразу придумать было нормально, но теперь, если он ничего не скажет, это будет неуважением к правителю.

— Увеличение налогов может повысить жалование, но если кто-то слишком жаден, даже получив увеличенное жалование, он продолжит угнетать народ. Народ будет платить больше налогов, но при этом страдать от насилия. Это действительно плохой способ.

Услышав это, Лян Хуань достал сложенный лист бумаги и протянул Цзя Сюаню, приказав:

— Скажи этим людям, чтобы они пришли в Зал Суинь до вечера, и ты тоже приходи. Тихо, чтобы другие не услышали.

<http://bllate.org/book/16213/1455817>